PROJECT MUSE®

*The Sovietization of Eastern Europe: New Perspectives on the
Postwar Period* (review)

ЛЮБОВЬ КОЗИК

Ab Imperio, 4/2011, pp. 464-470 (Review)

Published by Ab Imperio

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0011>

➔ *For additional information about this article*

<https://muse.jhu.edu/article/467025>

din's *Asar* is the most substantial and detailed historical source. In addition to its extensive biographical information on the region's *ulama*, it contains numerous documents of various types recorded in their entirety. These documents – legal, religious, personal, governmental – are rich primary sources in their own right and constitute valuable materials for the social history of the Muslim communities of the Russian Empire. That this work is now widely available is without question a good thing. These volumes represent a tremendous amount of effort on the part of editors and translators, from which all of us interested in the history of Islam in Russia stand to benefit.

Любовь КОЗИК

Balázs Apor, Péter Apor, and E. A. Rees (Eds.), *The Sovietization of Eastern Europe: New Perspectives on the Postwar Period* (Washington, DC: New Academia Publishing, 2008). 349 pp., ills. Index. ISBN: 978-0-9800814-6-6.

Общественно-политические процессы в странах Восточной Европы после Второй мировой войны вызывали и продолжают вызывать интерес исследователей различных стран. Во многом это связано со стремлением изучить механизм происходивших трансформаций, осознать степень вовлечения в них общества, определить масштаб изменений в самых различных сферах жизнедеятельности государства. В этой связи можно полагать, что знакомство с материалами сборника «Советизация Восточной Европы: новые перспективы в послевоенный период» вызовет интерес специалистов как по истории Центральной и Восточной Европы, так и СССР. Следует заметить, что большинство представленных в нем статей написано с точки зрения постмодернистских теорий, что позволяет по-новому взглянуть на события и перемены, происходившие в европейских странах социалистического лагеря после Второй мировой войны.

Структурно книга состоит из шести частей, посвященных различным аспектам истории стран Восточной Европы, и заключения. В ней рассматриваются теория советизации, советизация в сфере производственных технологий и ритуалов, консьюмеризм и досуг, отношения между послевоенной властью и религией, влияние социалистических преобразований на развитие исторической науки. В целом же рассматриваемый сборник показывает, насколько перенос советской модели на почву восточноевропейских стран был удачен и каким образом происходило восприятие или отторжение тех или иных идей обществом.

Обоснование понятия “советизация” Восточной Европы дается А. Ризом (*A. Rees*) в статье, которая фактически является введением к книге. Автор отмечает, что “советизация” подразумевает создание специфической советской системы, включающей экономическую, политическую, социальную и культурную подсистемы, с ее институциональной структурой и практикой, которые характеризуются определенным состоянием интеграции и отличаются особыми методами управления (С. 1). Рассматривая пример СССР, Риз обращает внимание на существенные отличия в терминах “советизация” и “коммунизация” (от “коммунизм”), отмечая,

что последнее было лишь частью идеологических устремлений. В этой связи он настаивает на употреблении понятия “советизация”, которое больше соответствует институционально сформировавшейся в конце 1920-х гг. и с некоторыми видоизменениями просуществовавшей до 1985 г. советской системе (С. 4-5).

Риз замечает, что понятие “советизация” можно рассматривать в двух аспектах: как часть советского имперского проекта в Восточной Европе после 1945 г. и как часть советской социалистической стратегии модернизации (С. 1). Он скептически относится ко второй концепции, отмечая, что в случае соотнесения положительных и отрицательных сторон можно смело утверждать, что установление советского режима отбросило СССР далеко назад (С. 10). В то же время он считает, что советизацию вполне можно изучать как часть имперской концепции, основу которой, с одной стороны, составлял опыт Российской империи, а с другой – близкие (братские) отношения между социалистическими странами. При этом Риз указывает, что после войны вопрос о вхождении новых социалистических государств Центральной и Восточной Европы в СССР не ставился. Причиной этого он называет опасения по поводу возможного протеста между-

народного сообщества, формирования сильной оппозиции в самих странах и возникновения практически неконтролируемого напряжения в рамках расширенного Советского Союза (С. 13).

Говоря о Восточной Европе, автор указывает, что ее советизация была тесно связана с началом “холодной войны”, созданием НАТО и Организации Варшавского договора, разделом Германии. Фактически он признает существование и реальность “народной демократии” (этот термин используется в российской историографии для характеристики событий 1945–1948 гг.), которую в конце 1947 – начале 1948 г. начинает вытеснять “сталинская модель советизации”. Вместе с тем приводимые автором примеры не позволяют в полной мере отнести его к той группе исследователей, которая отстаивает наличие вариативности в послевоенном развитии восточноевропейских стран.

Характеризуя процесс советизации, Риз справедливо замечает, что происходил он не только по указанию Москвы. Во многом инициатива принадлежала местным коммунистам, которые в силу разных обстоятельств стремились превзойти советскую модель развития, а потому часто использовали авторитарные методы правления, характерные для

политической культуры их страны еще в межвоенный период.

После смерти И. В. Сталина советизация Восточной Европы происходила в несколько облегченной форме и с учетом местных традиций, что было связано с изменениями в самом СССР. Итогом преобразований стало разнообразие в интерпретации и применении советской модели в европейских странах социалистического блока. В рассматриваемой книге оно показано на примере Польши, ГДР, Чехословакии, Румынии, Югославии и Венгрии.

Образ СССР, сложившийся в Западной Европе в межвоенный период, был преимущественно негативным, а потому после Второй мировой войны советское руководство поставило вопрос о его корректировке. Так, в частности, в побежденной Германии советские оккупационные власти совместно с местными коммунистами попытались посредством кино сформировать позитивное представление о советских людях и СССР в целом. Проанализировав реакцию немецкого общества на документальные (“Сталинград” и “Берлин”), исторические (“Иван Грозный” и “Петр Первый”) и художественные (“Цирк” и “Богатая невеста”) фильмы, которые показывали в послевоенном Берлине, С. Морманн (*S. Mohrmann*) пришла к выводу об абсолютно

разном восприятии образа советских мужчин и женщин. Первый представлял собой смесь героя и варвара с простым человеком, который может быть открытым, добродушным, трудолюбивым и нетребовательным (С. 131). В свою очередь советская женщина воспринималась зрителем как привлекательная, активная, трудолюбивая и жизнерадостная, то есть “современная суперженщина”, сочетающая в себе качества заботливой матери и независимого товарища (С. 132).

Характеризуя присутствие СССР в Восточной Европе, следует обратить внимание на статью Т. Амара (*T. C. Amar*). На примере украинского города Львов, который дважды оказался под властью советов, в 1939 и 1944 гг., автор рассматривает проблему советизации как “цивилизационной миссии на Запад”. Он отмечает, что на протяжении длительного времени Россия противопоставляла себя Западу и заявляла о своей консервативности в вопросе сохранения традиционных ценностей. Ситуация изменилась после сентябрьских событий 1939 года, когда советские лидеры заговорили о Польше как о государстве, где господствовали “пережитки”. В этой связи в официальных выступлениях и прессе появились заявления о необходимости развития культуры “на отсталых

территориях”, под которыми понимались Западная Украина и Западная Беларусь. Фактически это означало начало процесса формирования и воспитания социалистического сознания у местного населения. Следует отметить, что Т. Амар приводит обстоятельный анализ появления и развития понятия “советизация” в советской литературе, а также его трактовки в работах современных исследователей. Сам он понимает под “советизацией” “советскую экспансию в Восточную и Центральную Европу с августа 1939 г.” (расширяя, таким образом, хронологические рамки) и рассматривает ее как долгосрочную перспективу формирования русской идентичности в контексте и под влиянием русского империализма. При этом в определении Запада он использует категорию “чужой”.

Один из разделов книги посвящен советизации в сфере производственных отношений. В нем представлены проблемы перехода к выпуску массовой продукции в чехословацком машиностроении, а также выработки стратегии в области вооружения стран Варшавского договора. В первом случае на примере завода “Шкода” В. Фара (*V. Fara*) показывает, как происходил выбор между американским и советским “фордизмом”, который закончился в

пользу последнего. Автор отмечает, что в Чехословакии следствием калькирования в конце 1940-х – начале 1950-х гг. советского производственного процесса стало нарастание проблем в области машиностроения, которые в начале 1960-х гг. вылились в кризис. Что касается второго сюжета, то он посвящен разработке в 1958–1965 гг. советской военной стратегии по созданию новых ядерных ракет.

Достаточно интересным представляется материал Р. Краковского (*R. Krakovsky*) о выборе маршрута для празднования 1 мая в Чехословакии. Автор сравнивает подготовку и проведение манифестаций по случаю Дня трудящихся в Праге, Братиславе и Жилине, стремясь таким образом определить общее и отличия на государственном, республиканском и областном уровне. Проанализировав изменения с 1948 по 1955 г., а затем в середине 1970-х годов маршрутов передвижения, Краковски обратил внимание на их отличие от межвоенной традиции и традиции XIX в.: после Второй мировой войны демонстрации никогда не проходили в исторически значимых местах, связанных среди прочего с зарождением рабочего движения (С. 137). Причину этого он видит в стремлении властей в конце 1940-х – начале 1950-х гг. показать мобилизацию населения, а в пери-

од “нормализации” – найти новую идентичность после подавления Пражской весны, учитывая также соображения безопасности.

Одной из характеристик послевоенного развития, или “ритуалов”, социалистических стран Восточной Европы стало создание обществ дружбы с СССР. В рассматриваемой книге представлена история возникновения и деятельности Общества польско-советской дружбы, которое, по мнению Я. Берендса (*J. C. Behrends*), с момента образования стало важным инструментом государственной пропаганды, которая искала “попутчиков” в процессе советизации (С. 184).

Внимание исследователей, занимающихся изучением культуры и жизнедеятельности общества, привлечет статья Д. Кроули (*D. Crowley*). В ней на примере Польши и ГДР раскрываются особенности увлечения любительской кино- и фотосъемкой и дается оценка ее роли в процессе советизации страны. Не менее познавателен и материал М. Ансельмо (*M. Anselmo*), характеризующий зарождение и развитие маркетинговых исследований потребительского спроса в ГДР в 1960–1970-е гг. Автор с сожалением констатирует, что в условиях планового развития экономики любые попытки повлиять на вид, объем, качество выпускаемой

продукции наталкивались на всевозможные препятствия. В этой связи основная цель изучения общественного спроса – учет интересов потребителей в производственном процессе – так и не была достигнута.

Интересное сравнительное исследование М. Гурного (*M. Górny*) представлено в разделе “Советизация истории”. Оно посвящено марксистской истории историографии в Польше, Чехословакии и ГДР с конца 1940-х до конца 1960-х гг. Автор отмечает, что одной из первых задач историков стал поиск так называемых “прогрессивных традиций” в национальной истории. Он указывает, что, в отличие от Чехии и Словакии, где в первом случае марксистская интерпретация национального прошлого многое позаимствовала из национально-либеральной концепции, заложенной в XIX в. Ф. Палацким, а во втором – из программы “национального пробуждения” Л. Штура, в Польше и ГДР ученые не были столь последовательны в приверженности традиции. В статье автор останавливается на оценке взглядов “романтиков” и “позитивистов”, “оптимистов” и “пессимистов”, сторонников панславизма и социального прогресса учеными-марксистами. В качестве примера он берет отношение к наследию

Л. фон Ранке, И. Лелевеля, Ф. Палацкого и Л. Штура. В результате исследования Гурны выделил три проблемы в процессе формирования марксистской интерпретации истории историографии: 1) приспособление, а фактически перевод историографической традиции на язык марксизма; 2) так называемая “геополитическая” проблема – восхваление пророссийских исследований независимо от их политического и социального контекста; 3) формирование отношения к национализму XIX века (С. 262-263).

Процесс советизации был тесно связан с формированием культа личности. В рассматриваемой работе этот аспект раскрывается на примере венгерского лидера М. Ракоши. Другие венгерские сюжеты представлены статьями о зарождении “коммунистической историографии” (С. 265-283) и советизации историографии в начале 1950-х гг. (С. 237-248).

Важная роль в послевоенных преобразованиях в странах Восточной Европы отводилась борьбе с религией. В книге представлены исследования о ситуации в Румынии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. и отношениях власти и католической церкви в Словении и Югославии после 1945 г. В российской историографии этот сюжет хорошо освещен в книге Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко,

А. Ф. Носковой “Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории” (Москва, 2008), а также в двухтомном сборнике документов “Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов” (Москва, 2009), что, однако, не означает, что в вопросе взаимоотношений власти и церкви поставлена точка.

Завершается сборник статьей А. Риза (*A. Rees*) о кризисе советской модели и десоветизации. Автор справедливо подчеркивает, что страны Восточной Европы никогда не были полностью советизированы. На протяжении почти 45 лет руководство этих стран сочетало так называемый жесткий и мягкий контроль над ситуацией, что проявилось в существовании частного сектора в сельском хозяйстве Польши и Венгрии, достаточно сильной позиции католической церкви (за исключением Албании) и др. Основное внимание А. Риз посвятил проблеме кризиса и распада СССР, который, как отмечается, проиграл в борьбе с США в политической, экономической и культурной сферах.

Характеризуя сборник статей в целом, хотелось бы обратить внимание на то, что, за исключением материалов о СССР, авторы

редко обращаются к российским публикациям документов или работам российских историков. Вместе с тем наработки последних двадцати лет в России позволяют говорить о появлении качественно новых исследований, способных пролить свет на роль Москвы в советизации стран Восточной Европы и таким образом обогатить западноевропейскую историографию.